

УДК 94(470-25)''18'':37-055.2+316.343.32+37.018.1  
DOI 10.26456/vthistory/2025.2.050–065

## **Женское образование в первой половине XIX в. (на примере московского дворянства)**

**О.И. Лисицына**

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В статье характеризуется женское домашнее образование в первой половине XIX в. на примере Москвы – региона, имевшего в данный период существенную культурную специфику. Выделяются основные черты домашнего образования представительниц московского дворянства и причины его своеобразия. На основе источников различных видов определяются основные агенты домашнего обучения и роль матерей в нем. Также значительное внимание уделяется анализу феномена иностранного гувернерства и роли гувернанток в воспитании и образовании девиц. Выявляются умения и навыки, формирование которых считалось наиболее важным для девушек, и оценивается их значение в контексте ценностных установок московского дворянства. Кроме того, освещаются меры законодательного регулирования домашнего образования в первой половине XIX в.

**Ключевые слова:** женское образование, домашнее обучение, московское дворянство, гувернерство.

Домашнее образование представительниц российского нобилитета впервые начинает законодательно закрепляться в XVIII в. в контексте петровских преобразований. Однако в первой половине века речь, как правило, шла о регламентации обучения дворянских детей в целом, в то время как собственно женское образование, оставаясь «на обочине», фактически не интересовало государственную власть. По петровскому законодательству предполагалось, что для девочек достаточно элементарных навыков чтения и письма, в то время как мальчиков следовало обучать «цыфирному счету» и другим наукам в соответствии с их склонностями<sup>1</sup>. Разумеется, это было связано с взаимообусловленностью «учения» и «службы», а также с расхожими представлениями не только о нецелесообразности, но порой и о вреде «образованности» для женщин. В правление Анны Иоанновны законодательно закреплено «в науках быть от 7 до 20 лет», после чего для дворянских юношей должно было наступать время службы<sup>2</sup>. Как видим, законодательные меры были призваны регламентировать образование дворян именно в

---

<sup>1</sup> Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2010. С. 101.

<sup>2</sup> Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 25.

контексте государственной службы, поэтому и касались они обучения дворянских мальчиков.

Лишь при Екатерине II впервые обосновывается необходимость образования для девочек. По «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества», подготовленному И.И. Бецким, в качестве главной его цели выдвигается идея формирования «новой породы» людей – «новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами»<sup>3</sup>. Несмотря на то, что речь в «Учреждении» шла о юношестве в целом, в данном случае идея воспитания просвещённых родителей, которые впоследствии могли бы стать мудрыми наставниками для своих детей, явно актуализирует задачи женского образования, ведь очевидно, что в условиях традиционного общества забота о детях, в том числе и об их обучении, атрибутировалась именно женщине.

Следует сказать, что ещё в 1715 г. был принят указ, в соответствии с которым «всех знатных особ детей, от 10 лет и выше, велено выслать в школу С.-Петербургскую»<sup>4</sup>, однако, как бы активно ни развивалась система государственных образовательных учреждений, а также представление о том, что государственное образование предпочтительнее домашнего, уступка последнему всё же делалась ввиду невозможности принять всех дворянских детей в государственные учебные учреждения<sup>5</sup>. Особенно – если речь шла о юных представителях нестоличного дворянства.

К девочкам, разумеется, такого требования не предъявлялось, ведь первое казенное женское образовательное учреждение – Смольный институт благородных девиц – открылось в Петербурге лишь при Екатерине II в 1764 г. Вслед за ним было открыто и несколько других, в том числе Московский Екатерининский институт – в 1802 г. С середины XVIII в. функционировал и ряд частных пансионов<sup>6</sup>, что, впрочем, кардинальным образом картину не меняло: женских образовательных учреждений было в разы меньше, чем мужских, с связи с чем женское образование гораздо чаще, чем мужское, оставалось исключительно домашним<sup>7</sup>. При этом если в XVIII в. оно не носило ни систематического, ни массового характера, то к концу столетия ситуация меняется: женское дворянское домашнее образование приобретает уже не только всеобщий, но и достаточно единообразный характер. О динамике его развития, институционализации, целях, основном содержании и региональной специфике пойдёт речь в данной статье.

---

<sup>3</sup> Бецко И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества, подтверждённое Её Императорским Величеством 1764 года марта 12 дня. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bim-bad.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

<sup>4</sup> Цит. по: Болотина М.В. Указ. соч. С. 24.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Цит. по: Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 39.

<sup>7</sup> Соимонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 117

Основной тенденцией домашнего образования в XVIII в. стало постепенное распространение института гувернерства. В конце XVIII в. иностранные учителя и учительницы начинают играть всё большую роль в домашнем обучении дворянок, однако ключевая проблема заключалась в том, что зачастую они могли быть людьми случайными и некомпетентными (так, известен случай, когда французский посол узнал в одном из гувернёров, служивших в России, своего бывшего кучера<sup>8</sup>). По мнению О.Ю. Солодянкиной, не только в конце XVIII в., даже ещё и в XIX в. образовательный и интеллектуальный уровень иностранных учителей мог быть крайне невысоким<sup>9</sup>. Это было связано с тем, что в конце XVIII – начале XIX в. спрос на услуги гувернеров и гувернанток заметно вырос, но пополнялись их кадры по преимуществу из числа представителей реакционных слоёв французского общества, бежавших в Россию после революционных событий 1789 г. и при этом далеко не всегда имевших высокое социальное происхождение и какое-либо образование, или бывших солдат «Великой армии», по различным причинам оставшихся на территории Российской империи и часто также не имевших никаких профессиональных компетенций, кроме владения французским языком и элементарного знакомства с каким-либо музыкальным инструментом<sup>10</sup>, столь востребованными в российской дворянской среде в этот период.

И всё же, начиная с последней трети XVIII в., ввиду отмены обязательной государственной службы казенное обучение постепенно перестаёт восприниматься как предпочтительное, а доверие к образованию домашнему возрастает как со стороны власти, так и со стороны общества. Вдобавок благодаря системе государственных и частных учебных заведений и ряду изданных в данный период педагогических трактатов у дворянских семей появляются, наконец, более чёткие ориентиры и представления о целях, наполнении и методах обучения девочек. Начинает формироваться перечень навыков, которыми должна владеть юная представительница дворянства<sup>11</sup>, а также более конкретные требования к учителям и критерии, по которым они выбирались. Можно сказать, что в первой половине XIX в. женское домашнее образование начинает приобретать черты некоего единообразия, складываются некие общие ориентиры, что из себя представляет «хорошее» женское образование и каков его необходимый минимум.

<sup>8</sup> Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.08.2025).

<sup>9</sup> Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39.

<sup>10</sup> Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века / сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова. М., 2002. [Электронный ресурс]. URL: [https://az.ru/women\\_cd1/html/belova\\_b.htm#note40](https://az.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40) (дата обращения: 15.08.2025).

<sup>11</sup> См.: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39.

В то же время этот период характеризуется и формированием явных региональных особенностей, по крайней мере в организации процесса образования девочек. Так, в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло носить черты некоторой предметной специализации: часто имелись приходящие учителя, некоторые из которых могли быть весьма востребованными профессионалами, оказывающими услуги сразу множеству дворянских семей. В частности, у Гончаровых в доме не только жили иностранные гувернеры и гувернантки, но и дополнительно приглашались учителя по различным предметам<sup>12</sup>. Впрочем, глубина такой предметной специализации зависела исключительно от предпочтений семьи, а точнее – матери, от её вкусов и представлений об идеале образованной барышни.

Могли девиц и самих водить к учителю. Подобные занятия вне дома в целом не были частой практикой, но в Москве первой половины XIX в. существовали такие общепризнанные педагоги и профессионалы, что для них делались исключения. В первую очередь к такого рода мастерам своего дела относился знаменитый учитель балльных танцев П.А. Йогель<sup>13</sup>. Помимо педагогической известности, Йогель прославился своими «детскими балами», которые считались самыми веселыми в Москве, а также воспринимались как уникальная в своем роде ярмарка невест, ведь там можно было увидеть барышень, которых ещё не начали вывозить в свет, а потому на других светских мероприятиях встретить их было невозможно.

Также иногда (как правило, не на постоянной основе) с московскими дворянками могли заниматься даже сверхкомпетентные лица. Так, судя по дневникам московской дворянки Е.А. Соймоновой, частыми гостями в их музыкальной гостиной на Малой Дмитровке были композитор, пианист, дирижер И.И. Геништа и педагог, пианист-виртуоз А.А. Герке<sup>14</sup>. Готовясь к совместным музыкальным вечерам, сестры Соймоновы получали иногда компетентные советы, а то и полноценные уроки музыки. Если первый был, действительно скорее гостем, то второй, являясь близким другом семьи и проводя в доме Соймоновых много времени, часто давал подобные импровизированные уроки – причём не только самим девицам, но и другим молодым гостям дома<sup>15</sup>, чем, похоже, даже несколько докучал дворянской молодёжи. А ведь его профессиональный уровень был таким, что при открытии Санкт-Петербургской консерватории он будет приглашён туда профессо-

---

<sup>12</sup> Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 35.

<sup>13</sup> Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 274.

<sup>14</sup> Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 57, 61, 64 и др.

<sup>15</sup> Там же. С. 61.

ром, а одним из его учеников станет будущий композитор М.П. Мусоргский<sup>16</sup>. При этом в доме Соймоновых также был свой постоянный учитель музыки – итальянец Ерколани, выступавший в ходе вышеупомянутых концертов и дирижером, и аккомпаниатором<sup>17</sup>. Разумеется, подобное было вряд ли доступно дворянским семьям, проживавшим в отдалённых имениях; в Петербурге же отношения были значительно более официальными и формализованными.

Здесь следует отметить известное своеобразие московского общества данного периода, являющегося как бы и столичным, и провинциальным одновременно. Особое место Москвы в дворянской «экосистеме» первой половины XIX в. неоднократно подчёркивалось современниками: «*Москва женского рода, Петербург мужеского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи. Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы во всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает её ещё длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней, как сарайные двери*»<sup>18</sup>; «*Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет*»<sup>19</sup>. Действительно, особая приверженность московской аристократии традициям, семейным и родственным связям, привычкам и старине заметно контрастировала со светской формализованностью общения, собранностью, принятыми в Петербурге, где, как правило, во главу угла ставились карьера и государственная служба.

Кроме того, в рассматриваемый период у Москвы была устойчивая репутация города невест: «в Москву, на ярманку невест!»<sup>20</sup>; «что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь; // В Москве ведь нет невестам перевода; // Чего? плодятся год от года»<sup>21</sup> и подобные представления, по-видимому, были довольно расхожими. Так, лейтмотивом дневника Е.А. Соимоновой является ирония по поводу «пересудов» «городских кумушек»<sup>22</sup>, которые почти всегда вращаются вокруг темы заключения брачных союзов – реальных или мнимых: «Я очень признательна московскому обществу за то внимание, которое оно уделяет моей персоне, однако забавно, что *меня выдают замуж за разных женихов*, а мне, как лицу наиболее заинтересованному, об этом ничего неизвестно»<sup>23</sup>. Характерно при этом, что молодое поколение дворянок – будь то барышни 1810-х или 1830-х гг. – активно рефлексируют

<sup>16</sup> Ткаченко О.В. Соймоновы и их окружение // Соимонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., С. 19.

<sup>17</sup> Бутурлин М.Д. Записки графа М.Д. Бутурлина. Т. 1. М., 2006. С. 383–385.

<sup>18</sup> Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений. В 14 т. М.; Л. 1952. Т. 8. Статьи. С. 178.

<sup>19</sup> Пушкин А.С. Роман в письмах [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v06/d06-041.htm> (дата обращения: 15.08.2025).

<sup>20</sup> Пушкин А.С. Евгений Онегин. М., 1976. С. 191.

<sup>21</sup> Грибоедов А.С. Горе от ума / подг. Н.К. Пиксанов, А.Л. Гришунин. М., 1969. С. 42.

<sup>22</sup> Соимонова Е.А. Указ. соч. С. 43.

<sup>23</sup> Там же. С. 47.

на тему «московских пересудов», иронизируют, а порой и откровенно осуждают подобное поведение «цензоров в чепцах и шالях»<sup>24</sup>, тем самым противопоставляя себя старшему поколению московских знатных женщин<sup>25</sup> (впрочем, это касалось и других московских привычек – в первую очередь суеверий и предрассудков). Вероятно, подобный межпоколенческий разрыв (подобный конфликту Чацкого и Фамусова) был обусловлен неуклонным ростом образованности каждого последующего поколения московских дворянок по сравнению с предыдущим.

Можно сказать, что в семьях именно московского дворянства наиболее выражено было так называемое «множественное опекуновство»: в той или иной степени в воспитании и образовании девочки принимает участие довольно широкий круг родственников, точнее – родственниц («Я, кажется, тебя крестила? // А я так на руки брала! // А я так за уши драла! // А я так пряником кормила!»<sup>26</sup>), которые, помимо всего прочего, разделяют данные функции с нанимаемыми учителями и учительницами.

Однако собственно организацией процесса домашнего воспитания и образования юных дворянок, как правило, занималась мать (впрочем, как уже упоминалось выше, образование детей обоего пола в семье считалось её прерогативой, что, в принципе, актуализировало саму идею женского образования). Мать осуществляла общее руководство этим сложным процессом, в частности – поиском и подбором гувернеров и гувернанток, при необходимости подключая к этому других родственников или знакомых. Мать же впоследствии и осуществляла основное взаимодействие с гувернанткой и другими участниками процесса образования в дворянской семье.

Именно поэтому в случае смерти матери девочка зачастую передавалась в другие руки, а не оставалась у отца<sup>27</sup>. Так, она могла быть сразу же передана на воспитание родственникам или даже «приятелям», в чьих домах были дочери-ровесницы или проживали женщины, которые могли бы позаботиться о получении ею достойного образования: «В Москве матушка умерла... Приезжает батюшка и братья, а сестра оставлена в Москве у приятелей наших родителей, г-на К[аковинского]: они имели одну дочь, с коею [сестра] и жила вместе до тех пор, пока вышла дочь их замуж»<sup>28</sup>. Так воспитывались многие дворянки в различных регионах Российской империи – от Е.Р. Дашковой до А.П. Керн, причём в случае последней это даже не было связано с фактом сиротства: наличие

<sup>24</sup> Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: [http://az.lib.ru/z/zhukowa\\_m\\_s/text\\_0040.shtml](http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml) (дата обращения: 13.08.2025).

<sup>25</sup> См.: Дней прошлых гордые следы: Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012. С. 271.

<sup>26</sup> Пушкин А.С. Евгений Онегин. С. 199.

<sup>27</sup> Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

<sup>28</sup> Загряжский М.П. Записки. [Электронный ресурс]. URL: <http://elcocheingles.com/Memories/Texts/Zagrazskij/Zag-5.htm> (дата обращения: 02.04.2025).

двоюродной сестры-ровесницы в данном случае было достаточным аргументом, чтоб отправить девочку жить и воспитываться к родственникам. Также весьма распространённой практикой в случае потери матери являлось помещение девочек в казённое учебное заведение, где фактор сиротства являлся едва ли не ключевым при отборе воспитанниц<sup>29</sup>.

Симптоматично в данном контексте высказывание Е.А. Соймоновой, которая, узнав, что мать многочисленных детей знакомого семейства скоропостижно скончалась, отмечает в дневнике: «Бедных детей Скрипицыных можно только пожалеть. Их отец никогда не уделял внимания домашним делам. Придётся ему начать осваивать эту науку в его 38 лет»<sup>30</sup>. Причём из контекста становится ясно, что под «домашними делами» понимается именно забота о детях, и в первую очередь обеспечение им достойного образования.

Однако если в семье умирал отец, это уже могло заставить мать, в свою очередь, дистанцироваться от вопросов домашнего образования, поскольку, помимо этой непростой задачи, на неё ложились теперь все заботы об имении и благосостоянии семьи – «две обязанности, из которых каждая почти выше сил женщины»<sup>31</sup>. Причиной неучастия матери в воспитании детей мог стать и «светский» образ жизни, который ей в силу её статуса приходилось вести. В дворянской культуре данный феномен получил название «модных жён»<sup>32</sup>, однако они не составляли большинства даже среди петербургского дворянства<sup>33</sup>, среди же московских дворянок их было и вовсе незначительно число.

Вероятно, система матримониальных традиций и ожиданий, которая в Москве, как городе невест, была выражена более ярко, чем в других регионах, обуславливала основательность подхода московского дворянства и к женскому домашнему обучению. Ведь в начале XIX в. по-прежнему основной целью женского образования – и домашнего, и казённого – остается удачное замужество, поэтому и набор тех знаний и умений, которые предполагалось сформировать в процессе, был хоть и достаточно специфическим, но при этом весьма универсальным. Здесь также следует ещё раз оговориться, что Москва, безусловно, зачастую давала для этого и значительно больше возможностей по сравнению с другими (нестоличными) городами, а уж тем более – по сравнению с деревней.

Как правило, дворянская семья затрачивала немало усилий и денежных средств для того, чтобы дать девочкам достойное домашнее образова-

<sup>29</sup> Белова А.В. Без родительского попечения... С. 30.

<sup>30</sup> Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 117.

<sup>31</sup> Вульф А.Н. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: [http://dugward.ru/library/pushkin/vulf\\_dnevnik.html](http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevnik.html) (дата обращения: 19.08.2025).

<sup>32</sup> Дмитриев И.И. Модная жена. [Электронный ресурс]. URL: <http://i-dmitriev.ouc.ru/modnaya-zhena.html> (дата обращения: 19.08.2025).

<sup>33</sup> Пушкарева Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М., 2012. С. 76.

ние. Так, семья Гончаровых, находившаяся в довольно затруднительном материальном положении<sup>34</sup>, не стремилась при этом сэкономить на образовании своих дочерей. Мать семейства, Наталья Ивановна, сама, в обход мужа, обращается к свёкру с просьбой увеличить содержание их семьи, поскольку из сорока тысяч рублей в год не менее пятнадцати уходит только на нужны образования детей<sup>35</sup>. По-видимому, образование дочерей было одним из приоритетов семьи, поскольку, с одной стороны, являлось маркером социальной состоятельности семьи, а с другой повышало шансы дочерей заполучить завидного жениха.

По этой же причине выбор гувернанток и учителей представлял собой событие особой важности и сложности и порой вовлекал широкий круг родственных связей дворянской семьи, в особенности – если речь шла о гувернантке, которая будет проживать в доме на постоянной основе. Характерно в этой связи письмо супругов Бахметевых (Анны Петровны и Алексея Николаевича) родителям мужа, свидетельствующее о вовлечении в процесс поиска и выбора домашних учителей не только обоих супругов, но и бабушек с дедушками, а также широкого круга друзей и знакомых<sup>36</sup>. Можно заключить, что домашнее образование девочек было действительно важно не только для ее ближайших родственников, но и для семьи в целом.

А.В. Белова выделяет три основных критерия, которыми руководствовались представительницы нестоличного дворянства при выборе гувернанток: их «репутация, стоимость и качество образовательных услуг»<sup>37</sup>. Похоже, что практически всегда стоимость услуг по значимости отодвигалась на последнее место, ведь в источниках личного происхождения мы практически не находим упоминаний о цене или оплате услуг домашних учителей, а вот беспокойство московских дворянок по поводу профессионализма гувернантки или гувернера – достаточно частое явление. Причём, ввиду специфики оказываемых гувернантками услуг, их репутация – в самом широком смысле этого слова – становилась едва ли не самым значимым критерием при выборе кандидатуры.

Это было обусловлено самой организацией процесса женского домашнего образования, сложившейся в начале XIX в., и роли гувернантки в нём. Так, зачастую гувернантка, проживавшая в дворянском доме, стремилась создать в нём для своей воспитанницы или воспитанниц некое изолированное – насколько это было возможно – пространство. Характерно, что идея «изолировать» юную воспитанницу с целью уберечь от возможных «пагубных влияний» вполне соотносилась с педагогическими принципами, провозглашёнными для закрытых учебных заведений на высшем государственном уровне и восходящими к идеям И.И. Бецкого о формировании «новой породы» людей. Это было связано с тем, что гувернантка должна была не

<sup>34</sup> Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 29–34.

<sup>35</sup> Цит. по: Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 35.

<sup>36</sup> Центральный государственный архив города Москвы (далее – ЦГАМ). Ф. 1845. Оп. 1. Д. 956.

<sup>37</sup> Белова А.В. «Четыре возраста женщины»... С. 166.

столько передавать своей подопечной какие-либо знания, сколько фундаментально прививать ей определённую манеру поведения, фактически – определённый образ жизни, что достигалось путём постоянного совместного пребывания воспитанницы и гувернантки<sup>38</sup>. В такой ситуации влияние иностранных воспитательниц на формирование личности юных дворянок сложно переоценить.

Если, с одной стороны, такая практика способствовала лучшему усвоению языка и манер – пожалуй, двух главных навыков, прививаемых гувернанткой, о которых подробнее ещё пойдет речь ниже, то с другой – влекло за собой невольное восприятие дворянской барышней «иноземных» этических норм и установок, транслируемых гувернанткой, скорее всего, неосознанно и без какого-либо умысла. Очевидно, что ценности западной культуры доходили до дворянства также и через литературу, и другими путями, однако влияние иностранных учителей явно было куда более определяющим, в связи с чем иностранное образование уже в начале XIX в. становится предметом пристального внимания со стороны государственной власти.

Вообще, как мы уже убедились, государство ещё с начала XVIII в. пыталось поставить под контроль воспитание юношества, но если тогда это по преимуществу касалось системы государственных учебных заведений, то в XIX в. распространяется и на частные пансионы, и даже на систему домашнего образования. Ещё в начале XIX в. министр народного просвещения А.К. Разумовский сетовал в докладе императору: «все почти пансионы в империи содержатся иностранцами... они юным россиянам внушают презрение к языку нашему и охлаждают сердца их ко всему домашнему и в недрах России из россиянина образуют иностранца»<sup>39</sup>. Разумеется, всё вышесказанное могло быть при желании отнесено и к домашнему образованию.

По-видимому, во второй четверти XIX в. влияние иностранных гувернеров и гувернанток в среде российского дворянства было уже настолько ощутимым, что стало предметом целого ряда энергичных законодательных мер Николая I, направленных на противодействие иностранному влиянию и вполне выдержанных в духе «Теории официальной народности». Так, в изданном 18 февраля 1831 г. Указе «О воспитании Российского юношества в отечественных учебных заведениях» говорится о вредных последствиях «чужеземного» влияния следующим образом: «молодые люди возвращаются в Россию с самыми ложными о ней понятиями; не зная ее истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного»<sup>40</sup> – в «отвращение этого» было постановлено: «российское юношество... должно быть воспитываемо предпочтительно в

<sup>38</sup> Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.

<sup>39</sup> Цит. по: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 39

<sup>40</sup> Болотина М.В. Указ. соч. С. 26.

отечественных публичных заведениях, или, хотя и в домах своих, под надзором родителей и опекунов, но всегда в России»<sup>41</sup>. С одной стороны, данный Указ, по сути, окончательно уравнивал по статусу домашнее образование с государственным, но, с другой, наметил намерение государственной власти взять последнее под свой надзор и контроль.

25 марта 1834 г. был издан императорский Указ «О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов»<sup>42</sup>. В соответствии с ним гувернёры и гувернантки не имели права поступать на службу в дома, если они не предоставляли соответствующие аттестаты, подтверждающие успешное прохождение экзамена и фиксирующие, какими именно дисциплинами и в какой мере владеет гувернёр. Также предполагалось, что иностранцу было необходимо как-либо подтвердить свою репутацию и морально-нравственные качества<sup>43</sup>. Весьма симптоматично выглядит обоснование этих мер: «мы уверены, что родительская нежность и здравый смысл любезнейших верно-подданных Наших вполне открывают им всю важность и пользу сих мер; что каждый... разделяет Нашу заботливость о водворении по всему пространству Империи *воспитания, согласно с духом Наших учреждений, и о предохранении юных сердец от впечатлений, противных вере, нравственности и народному нашему чувству*»<sup>44</sup>.

Следом, 1 июля 1834 г., принимается «Высочайше утверждённое Положение о домашних наставниках и учителях»<sup>45</sup>. Его целью было «связать домашнее воспитание с публичным и поставить его под контроль государства»<sup>46</sup>. Однако представляется значимым, что в нём знаниевый аспект (прохождение испытаний и присвоение соответствующих званий) вообще мыслится вторичным по сравнению с аспектом нравственным: «лица в звания сии поступающие, вообще должны быть Христианского вероисповедания, *достаточно известные со стороны нравственных качеств*. После сих общих условий, необходимых для желающего посвятить себя домашнему воспитанию юношества, *науки и знания составляют вторую, столь же существенную потребность*, по мере предназначения каждого из означенных

<sup>41</sup> Цит. по: Там же.

<sup>42</sup> Указ Сенату от 25 марта 1834 г. «О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов». [Электронный ресурс]. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php) (дата обращения: 04.08.2025).

<sup>43</sup> Там же.

<sup>44</sup> Указ от 25 марта 1834 г. «О воспреещении принимать в должности по домашнему воспитанию иностранцев, не получивших аттестатов от Русских Университетов» [Электронный ресурс]. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php) (дата обращения: 04.08.2025).

<sup>45</sup> 1 июля 1834 г. «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях» [Электронный ресурс]. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php) (дата обращения: 04.08.2025).

<sup>46</sup> Болотина М.В. Указ. соч. С. 27.

званий»<sup>47</sup>. В соответствии с этим положением те, кто не подходил по религиозным и нравственным критериям, до экзамена даже не допускались в принципе. Отныне от соискателей требуют одобрительные отзывы не только из оконченного ими учебного заведения или с предыдущего места жительства, но вводится даже практика ежегодных отзывов с текущего места службы<sup>48</sup>. Видимо, столь явное ужесточение требований и усложнение процедуры получения звания, помимо прочего, имело своей целью сокращение числа иностранцев, прибывающих в Россию для преподавания в частных домах.

Удивительно при этом, насколько созвучны были ментальные установки иностранных гувернанток (особенно тех из них, кто имел английское происхождение и воспитывал из русских барышень «настоящих английских леди»<sup>49</sup>), влияние которых так старалась ограничивать власть, с морально-нравственными установками, транслируемыми самим Николаем I и его двором. Ведь и в том, и в другом случае во главу угла ставится «нравственность», «непорочность», «чистота», попытка оградить от возможных «пагубных влияний».

О том, насколько определяющим критерием выбора гувернантки были её морально-нравственные качества, красноречиво свидетельствует и следующий фрагмент переписки между московскими дворянами: «[гувернанток] на примете у нас теперь несколько, но не поверите, как мудрено решить, с первого взгляду все почти нравятся, а о какой пойдешь [допрашивать] обо всех почти узнаешь весьма ненадежные отзывы. Одна М-м Вагнер к нам набивалась и сказала, что жила у [Факлези], мы было обрадовались, а там узнали, что она *злая и капризная* женщина. Княгиня Гагарина рекомендует одну немку весьма ученую и *нравственную*...»<sup>50</sup>. Очевидно, важность данного критерия была обусловлена тем, что нравственность гувернантки напрямую влияла на нравственность ее подопечной, но похоже, что не последнюю роль играло и желание семьи взаимодействовать с покладистой (а не «злой» и «капризной») женщиной. Характерно, что данный аспект женского домашнего воспитания беспокоит даже мужчин: «живущая англичанка Рома сама беспокойного нрава, и поминутные жалобы и ссоры»<sup>51</sup>. Очевидно, что данный критерий выбора гувернантки все же был решающим, однако он не был единственным.

<sup>47</sup> 1 июля 1834 г. «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях». [Электронный ресурс]. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php) (дата обращения: 04.08.2025).

<sup>48</sup> «Высочайше утвержденное Положение о домашних наставниках и учителях». [Электронный ресурс]. URL: [https://nlr.ru/e-res/law\\_r/search.php](https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php) (дата обращения: 04.08.2025).

<sup>49</sup> Подробнее см.: Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40–41.

<sup>50</sup> ЦГАМ. Ф. 1851. Оп. 1. Д. 103. Л. 1. Орфография источника сохранена.

<sup>51</sup> Волконский Д.М. Дневники. Письма. 1812 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://militera.lib.ru/db/1812/02.html> (дата обращения: 04.08.2025)

Проживая в доме и постоянно взаимодействуя со своей подопечной, гувернантка прививала девочке и другие совершенно необходимые в свете навыки: правильную походку, умение вести себя за столом, навыки светской беседы, безукоризненные манеры и т. д., она же организовывала подопечной досуг, занимаясь с ней рисованием, рукоделием или музицированием<sup>52</sup>. Впрочем, как уже упоминалось, для занятий музыкой чаще всего приглашался отдельный учитель, который мог быть как приходящим, так и мог постоянно проживать в дворянском доме: «Там съедутся гости; уроки отложены. Девушки вздумают петь романсы – Карл Адамович аккомпанирует; соберутся танцевать – и Карла Адамовича на целый день за фортепьяно: играй французскую кадрили»<sup>53</sup>, а отдельные навыки, такие как интонирование и голосоведение, барышне могла помогать развивать даже просто музыкально одаренная мать или сестра<sup>54</sup>.

При этом из всего спектра музыкальных занятий, безусловно, самым необходимым было всё же не музицирование, которое воспринималось просто как один из способов организации досуга, а умение танцевать и непринуждённо держаться в свете, ведь этот навык был определяющим для того, чтобы заполучить жениха. «Я никогда не смогу вызвать страстную любовь, я это знаю. *С моей внешностью и моей деревенской грацией невозможно очаровывать*. Я и сама больше не способна испытывать страсть, но желание выйти замуж по расчету совершенно чуждо мне»<sup>55</sup>, – пишет в своём дневнике Е.А. Соймонова, которая, к слову, так и не выйдет замуж. Весьма показательной в этой связи выглядит также и фраза Л.Н. Толстого, вложенная в уста Андрея Болконского: «... эта девушка так *мила, так особенна*, что она *не протанцует здесь месяца и выйдет замуж...*»<sup>56</sup>. Как видим, между умением танцевать и успешным матримониальным поведением в рассматриваемый период фактически ставился знак равенства. Но как раз в Москве первой половины XIX в. для этих целей и были организованы уроки танцев при Московском университетском благородном пансионе, Императорском Московском университете и Московском коммерческом училище, которые проходили при непосредственном участии уже упомянутого выше П.А. Йогеля и, по сути, не являлись частью собственно домашнего воспитания московских дворянок.

Ещё одним критически важным навыком, который необходимо было начать формировать у дворянской девочки с самого раннего детства, считалось, безусловно, свободное владение французским языком. Ведь в начале XIX в. он прочно входит в российскую дворянскую культуру в качестве основного языка светского общения. При этом характерно отношение к французскому языку именно как к языку «женскому». Безусловно, мужчины благородного происхождения тоже должны были в совершенстве изъясняться

<sup>52</sup> Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40.

<sup>53</sup> Жукова М.С. Указ. соч.

<sup>54</sup> См.: Соймонова Е.А. Указ. соч.

<sup>55</sup> Там же. С. 49.

<sup>56</sup> Толстой Л.Н. Война и мир. Том второй // Собр. соч. в 22-х т. М., 1980. Т. 5. С. 213.

и писать по-французски, однако они использовали этот язык именно для общения с дамами. Между собой же, в дружеских, деловых и политических кругах мужчины использовали русский язык<sup>57</sup>. Соответственно, не владея в должной мере языком светского общества, дворянка оказывалась крайне ограничена даже в тех немногих способах влияния на собственную матри-мониальную судьбу, которые у неё были.

Поэтому для хорошей семьи было важно, чтобы сама «madame» в должной мере владела именно французским языком: «княгиня Гагарина рекомендует одну немку весьма ученую и нравственную, но выговор дурной по французски, кажется, без[детна], а взять однакоже никак нельзя»<sup>58</sup>. Вообще, гувернанток-немок ценили за их аккуратность и пунктуальность, но недостаточный уровень владения французским языком мог оказаться существенным препятствием для получения такой учительницей места именно в дворянском доме, однако немки часто нанимались в дома богатых купцов, где было важно научить девочек не светской учтивости, а умению экономно и аккуратно вести хозяйство<sup>59</sup>. Что же касается англичанок, приглашение к воспитанию девиц английской мисс или бонны обычно свидетельствовало о более высоких претензиях семьи, ведь автоматически предполагалось, что девочки будут обучены не менее чем двум языкам – английскому и французскому, иногда же в число языков могли входить также и итальянский или немецкий.

Как было показано выше, 1830-е гг. стали временем существенного ужесточения требований к нанимаемым в частные дома иностранцам, до этого же порой их компетенции явно оставляли желать лучшего. Хотя владение иностранным языком воспринималось как нечто само собой разумеющееся для его носителей, видимо, существенные проблемы у гувернеров могла вызывать грамматика и обучение именно письменной речи. Так, многие письма взрослых замужних московских дворянок, написанные по-французски, даже в 1830-е гг. содержат грамматические ошибки<sup>60</sup>, что косвенно свидетельствует о недостаточном уровне компетентности тех гувернёров и гувернанток, которые были доступны московским дворянским семьям в 1810-е – 1820-е гг.

Безусловно, в обучении иностранному языку была особенно важна системность и долгосрочный результат. Так, при удачном стечении обстоятельств дворянская девочка уже к десяти годам свободно владела устной и письменной речью на французском языке, как, например Таша – Н.Н. Гончарова, написавшая брату в своём детском письме стихи на французском языке (предположительно, собственного сочинения)<sup>61</sup>. Однако сложности разного рода, заставлявшие семью отказываться от услуг недобросовестных

<sup>57</sup> Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 53.

<sup>58</sup> ЦГАМ. Ф. 1845. Оп.1. Д. 956. Л. 1. Орфография источника сохранена.

<sup>59</sup> Солодянкина О.Ю. Указ. соч. С. 40.

<sup>60</sup> См., например: ЦГАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1002; Д. 1860; Ф. 1341. Оп. 1. Д. 783.

<sup>61</sup> Ободовская И., Дементьев М. Указ. соч. С. 36.

гувернанток, могли существенно сказываться на качестве освоения этого важного навыка.

Однако если определённый уровень владения языком всё же был достигнут при помощи носителя языка, то, по-видимому, барышня могла далее вполне успешно совершенствовать этот навык самостоятельно посредством чтения книг на французском языке<sup>62</sup> и разговорной практике со сверстницами – сёстрами, кузинами, подругами.

Итак, начало XIX в. характеризуется бурным развитием женского образования. В данный период женское образование значительно чаще, чем мужское, было домашним. Главные тенденции в домашнем образовании данного периода – распространение института гувернерства и формирование неких общих представлений о «правильном» воспитании девочек. Главные требования к нему заключались в обучении «манерам», французскому языку и танцам, так как данные навыки были необходимы для успешного замужества. Также в этот период Москва представляет собой довольно специфически культурный регион, имеющий существенные отличия в подходах к женскому образованию. Так, в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у других представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло носить черты некоторой предметной специализации со множеством приходящих учителей. Однако главной фигурой в домашнем образовании девочек все же оставалась гувернантка. Она должна была не столько передавать своей подопечной какие-либо знания, сколько фундаментально прививать ей определённую манеру поведения и ценностные установки. В такой ситуации влияние иностранных воспитательниц на формирование личностей юных дворянок было крайне велико. Это приводит к тому, что при Николае I вводится ряд законодательных мер, направленных на уменьшение влияния иностранных воспитателей на дворянских детей. В связи с этим компетентность гувернёров и гувернанток существенно возрастает.

#### Список литературы:

1. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
2. Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок в первой половине XIX в. // Педагогика. 2001. № 10. С. 68–74.
3. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века / сост. Т.А. Клименкова, Е.И. Трофимова, Т.Г. Тройнова. М.: ООО «Мощные Компьютерные Технологии», 2002. 168 с. [Электронный ресурс]. URL: [https://a-z.ru/women\\_cd1/html/belova\\_b.htm#note40](https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40) (дата обращения: 15.05.2025).

---

<sup>62</sup> Белова А.В. Домашнее воспитание дворянок... С. 70–71.

4. Белова А.В. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 480 с. (Серия «Гендерные исследования»).
5. Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24–31.
6. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в.. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 329 с.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб, 2006. – 413 с.
8. Муравьёва О.С. Как воспитывали русского дворянина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М.: Издательство «Советская Россия». 1985. – 368 с.
10. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Издательство «Ломоносовъ». 2012. – 208 с.
11. Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 38–44.
12. Ткаченко О.В. Соймоновы и их окружение // Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833-1835 гг. /сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М.: «Кучково поле». 2023. С. 5–29.

*Об авторе:*

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

### **Women's Home Education in the First Half of the 19<sup>th</sup> Century (based on the Example of the Moscow Nobility)**

**O.I. Lisitsyna**

*The Tver State University, Tver, Russia*

The article describes the women's home education of the first half of the 19th century on the example of Moscow, a region that had significant cultural characteristics during this period. It highlights the main features of the home education of the Moscow nobility and the reasons for its uniqueness. Based on various sources, the article identifies the main agents of home education and the role of mothers in it. Additionally, it provides a thorough analysis of the phenomenon of foreign governesses and their role in the upbringing and education of young women. The article identifies the skills and abilities that were considered most important for girls and evaluates their

significance in the context of the values of the Moscow nobility. Additionally, it highlights the legislative measures that regulated home education in the first half of the 19th century.

**Keywords:** women's education, home education, Moscow nobility, governesses.

*About the author:*

LISITSYNA Ol'ga Igorevna – the Candidate of History, The Dept of General History, the Tver State University (16/31, Trekhsvyatskaya Street, Tver, 170100, Russia); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

**References:**

- Belova A.V. *Bez roditel'skogo popecheniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnykh institutakh*, Rodina, 2001, № 9, S. 29–31.
- Belova A.V. *Domashnee vospitanie dvoryanok v pervoy polovine XIX v.*, Pedagogika, 2001, № 10, S. 68–74.
- Belova A.V. *Domashnee vospitanie russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoy poloviny XIX veka: «kornevoe» i «inozemnoe»*, Zhenskij diskurs v literaturnom processe Rossii konca XX veka / sost. T.A. Klimenkova, E.I. Trofimova, T.G. Trojnova, M., ООО «Moshchnye Komp'yuternye Tekhnologii», 2002. 168 s. [Elektronnyj resurs]. URL: [https://a-z.ru/women\\_cd1/html/belova\\_b.htm#note40](https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40) (data obrashcheniya: 15.08.2025).
- Belova A.V. *«Chetyre vozrasta zhenshchiny»: Povsednevnyaya zhizn' russkoj provincial'noj dvoryanki XVIII – serediny XIX v.* SPb., Aletejya, 2010. 480 s. (Seriya «Gendernye issledovaniya»).
- Bolotina M.V. *«Rossijskoe yunoshestvo dolzhno byt' vospityvaemo... hotya i v domakh svoih, no vseгда v Rossii»: semejnoe obrazovanie v Rossii v pervoy polovine XIX v.*, Vestnik RUDN, Seriya «Istoriya Rossii», 2008, № 2, S. 24–31.
- Zaharova O.Yu. *Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX v.* M.: ZAO Centropoligraf, 2003. – 329 s.
- Lotman Yu.M. *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*. SPb.: Iskusstvo – SPb, 2006. – 413 s.
- Murav'yova O.S. *Kak vospityvali russkogo dvoryanina* [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/mura/vye/va/> (data obrashcheniya: 15.08.2025).
- Obodovskaya I., Dement'ev M. *Natal'ya Nikolaevna Pushkina: Po epistol'yarnym materialam*. M.: Izdatel'stvo «Sovetskaya Rossiya». 1985. – 368 s.
- Pushkareva N.L. *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny XVIII veka*. M.: Izdatel'stvo «Lomonosov». 2012. – 208 s.
- Solodyankina O.Yu. *Guvernantki v russkikh dvoryanskikh sem'yah*, Vestnik RUDN, Seriya «Istoriya Rossii», 2003, № 2, S. 38–44.
- Tkachenko O.V. *Sojmonovy i ih okruzhenie* // Sojmonova E.A., *Dnevnik. Moskovskoe obshchestvo v 1833–1835 gg.* / sost., vstup. st., komment. O.V. Tkachenko; per. A.V. Lazurskogo. M.: «Kuchkovo pole». 2023. S. 5–29.

Статья поступила в редакцию 27.06.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.